

ПРЕЗЕНТИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ 1930-х ГОДОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Румянцева М.Ф. (г. Москва, Россия)

Смысл предлагаемых историографических размышлений в анализе, – а может быть и в развенчании, – мифа, весьма устойчивого на постсоветском пространстве: советская историческая наука отличалась от западной / европейской своей идеологизацией. Радикальный вариант этого мифа: в СССР исторической науки не было, а была только идеология, с дальнейшим «естественным» выводом о том, что в так называемой постсоветской историографии существовала настоятельная необходимость избавления от идеологизации, причем, преимущественно, путем заимствования научных подходов исключительно из западной историографии.

Конечно, нет смысла отрицать идеологизированность советской исторической науки, но если мы посмотрим на эту проблему в контексте **презентизма**, то с высокой вероятностью обнаружим, что в своей идеологизированности советская наука как раз попадала в общий тренд западной историографии.

Очевидно, в кратком эссе у меня есть возможность лишь обозначить основные подходы / контексты рассмотрения проблемы идеологизации / презентизма. Объяснение феномена презентизма в мировой историографии, на мой взгляд, следует искать, в первую очередь, в смене типов рациональности / моделей науки, начиная с рубежа XIX–XX вв., и становлении и развитии неклассической науки на протяжении большей части XX в., причем 1930-е годы – своего рода реперная точка на этом пути: с одной стороны, оформление презентизма (особенно в его американском и советском вариантах), с другой стороны, становление новой научной истории, справедливо связываемое с возникновением т.н. Школы «Анналов и ее «боями за историю» (напомню, что так называется сборник программных статей одного из основателей журнала «Анналы» Люсьена Февра).

Смысл неклассической модели науки в осознании воздействия наблюдателя / исследователя на полученный научный результат. И хотя неклассическая модель науки была порождена проблемами физики микромира, наиболее радикально она не могла не проявиться в историческом познании.

Приведу пару абсолютно классических примеров осмысления этой новой ситуации в историографии. Л. Февр в статье «Коллективные исследования и будущее науки» (1936) писал: «Наука <...> разрабатывается людьми, неразрывно связанными со своей средой и своей эпохой <...> Наука не есть государство в государстве. Она неотделима от социальной среды, в которой разрабатывается. Она испытывает давление, нажим со стороны всевозможных обстоятельств, затрудняющих ее развитие» [7, с. 49]. Не имея возможности провести здесь полноценный анализ дискурса, не могу не отметить, что у Февра проскальзывает отношение к давлению социальной среды как к помехе, а не как к имманентному свойству исторического (и всякого другого) познания. А. Тойнби, приступая к своему фундаментальному труду «A Study of History» (1934-1961), утверждает: «В каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняются господствующим тенденциям данного времени и места» [6, с. 14].

Естественно, что неклассическая модель исторической науки не могла не породить презентизм. Но историки радикально расходятся в понимании того, что такое презентизм, и соответственно в его оценке. Выбрав в качестве основной схемы интерпретации феномена презентизма смену моделей науки – от классической к неклассической, рискну предположить, что отрицательно оценивают презентизм историки, «застывшие» в классической модели науки. И эта позиция не столь уж редкая, о чем свидетельствует определение презентизма, которое дает Википедия – замечательный источник для суждения о массовом (в том числе и о массовом научном) сознании: «Презентизм (англ. present – настоящее время) – направление в методологии истории XX века (особенно в США в 20-40-х годах), которое рассматривает историческую науку **не как отражение объективных, имевших место в прошлом явлений** [sic! – М.Р.], а лишь как выражение идеологических отношений современности. Таким образом, презентизм отвергает возможность объективной исторической истины» (со ссылкой на: Большой энциклопедический словарь: в 2-х т. / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 2) [3]. Фактически Википедия сводит презентизм к идеологии, причем расценивая ее как отрицательное явление, противоречащее «объективному» научному знанию.

С другой (рискну утверждать, прямо противоположной) стороны, мы видим явно расширительное толкование презентизма в реализованном Институтом всеобщей истории терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки» (1-е изд. 2014). Автор соответствующей статьи И.С. Меншиков определяет презентизм и как «неизбежное в процессе исторического познания представление прошлого в адекватных нашему времени образах и понятиях», и как «восприятие исторического времени с позиции настоящего, распространение настоящего на прошлое», и, наконец, как «направление в историографии и теории истории, оформившееся в 1920-1940-х гг., прежде всего в США», представители которого исходили из того, что «история всегда оценивает и анализирует прошлое с позиции сегодняшнего дня, **считали необходимым подчинять прошлое настоящему** [выделено мной – М.Р.]» [5, с. 391-392]. Очевидно, что практически все перечисленное автором, за исключением выделенных мной последних слов, относится к имманентным характеристикам исторического знания в его неклассической модели.

Наиболее взвешенный, на мой взгляд, подход к определению презентизма мы обнаруживаем в статье И.М. Савельевой и А.В. Полетаева «О пользе и вреде презентизма в историографии» (2005): «презентизм – это попытка осмыслить сложность исторического времени, в котором прошлая социальная реальность не может быть объективно “реконструирована”, а может только конструироваться заново. В рамках презентизма, в противоположность позитивистскому подходу, история рассматривается не как познание объективной прошлой реальности, а как мысленная картина прошлого, создаваемая в настоящем и тем самым становящаяся частью этого настоящего» [4, с. 65]. Примечательно, что авторы начинают свои размышления о презентизме с утверждения: «Осознание роли настоящего в репрезентациях прошлого произошло в Новое время в связи с появлением разных и прямо-таки противоборствующих версий истории» [4, с. 63].

Предтеча презентизма Б. Кроче еще в 1912-1913 гг. утверждал: «...по здравом размышлении, свершившуюся историю, что именуется (или должна именоваться) “несовременной”, историей “прошлого”, если, конечно, это в подлинном смысле история, а не переливание из пустого в порожнее, тоже можно без оговорок назвать современной <...> Современная история возникает непосредственно из жизни, отсюда же происходит и несовременная история, ибо очевидно, что лишь интерес к настоящему способен подвинуть нас на исследование фактов минувшего: они входят в нынешнюю жизнь и откликаются на нынешние, а не былые интересы» [1, с. 9].

Маркировав интеллектуальное пространство определения / оценки презентизма, обратимся к классику презентизма Чарльзу Бирду (Charles Austin Beard, 1874-1946), к его программной речи «История как акт веры» (Written History as an Act of Faith, 1933), прочитанной при вступлении в должность президента Американской Исторической ассоциации. Отталкиваясь от мысли Б. Кроче «история – современная мысль о прошлом», Ч. Бирд утверждает: «...история как мышление, а не как действительность, летопись или специальное знание в действительности подразумевается, когда термин история используется в его самом широком и общем значении». И далее: «Хотя это определение истории может показаться на первый взгляд огорчительным для тех, кто легкомысленно писал о “науке истории”, “научном методе” в историческом исследовании и конструировании, на самом деле оно соответствует самой глубокой современной мысли об истории, представленной, например, Кроче, Рицлером, Карлом Мангеймом, Мюллер-Армаком и Хейсси. Это согласуется также с очевидным и обыденным. Разве не говорили в течение столетия или более, что каждый историк, пишущий историю, является продуктом своего времени и что его труд отражает дух времени, нации, расы, группы, класса или группы?» [8].

Обозначив подходы презентизма, обратимся к высказываниям историка, олицетворявшего советскую историческую науку в годы расцвета презентизма. М.Н. Покровский, рассуждая о возможности обращения к фактам, установленным в предшествующей историографии, пишет: «Эту ошибку совершают многие товарищи, очень авторитетные <...> “Это, – говорят, – факты, такие факты были”. А между тем, дороге товарищи, это вовсе не факты. Это идеология, т.е. отражение фактов – я не знаю, как сказать – в вогнутом или выпуклом зеркале с чрезвычайно неправильной поверхностью». И разъясняет: «Что такое идеология? Это есть отражение действительности в умах людей сквозь призму их интересов, главным образом интересов классовых <...> И в этом смысле всякое историческое произведение есть прежде всего образчик известной идеологии» [2, с. 10]. Мы видим, что М.Н. Покровский, как и другие представители неклассической науки, рассматривает «идеологичность» как имманентную характеристику исторического знания, тогда как идеология в ее привычном смысле имеет обыкновение настаивать на своей «объективности» как единственно «верного» «отражения» объективной реальности.

Как уже было отмечено, новая научная история / Школа «Анналов», хотя и декларирует борьбу, в первую очередь, с позитивизмом, но в перспективе противостоит и презентизму, осуществляя поиск научных подходов к историческому прошлому, по преимуществу, в предметном поле исторической антропологии. Историческая наука в СССР предлагает свой вариант ответа на вызовы презентизма: параллельно с расцветом Школы М.Н. Покровского укрепляет свои позиции источниковедение, концептуально исходящее из русской версии неокантианства. Институционально это подход оформляется в концепцию созданного в 1930 г. Института архивоведения, вскоре переименованного в Историко-архивный институт. По иронии судьбы, Историко-архивному институту было присвоено имя М.Н. Покровского, которое, кажется, так с него и не сняли до сих пор...

ЛИТЕРАТУРА

1. Кроче, Б. Теория историографии // Кроче, Б. Теория и история историографии / Бенедетто Кроче ; пер. с ит. И. М. Заславской. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 9-81.
2. Покровский, М. Н. Борьба классов и русская историческая литература // Покровский, М. Н. Историческая наука и борьба классов : (историографические очерки, критические статьи и заметки). – М. ; Л. : Государственное Социально-экономическое издательство, 1933. – Вып. I.
3. Презентизм // Википедия : свободная энциклопедия [Электронный ресурс] – Электрон. дан.– Режим доступа : [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%BC_\(%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%BC_(%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F)), свободный. – Дата доступа: 13.07.2019.
4. Савельева, И. М. О пользе и вреде презентизма в историографии / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания : [сб. ст. памяти проф. М. А. Барга] / [отв. ред. Л. П. Репина]. – М. : ИВИ РАН, 2005. – С. 63-88.
5. Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аквилон, 2016. – 543 с.
6. Тойнби, А. Дж. Постигание истории : сборник : пер. с англ. / А. Дж. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.

7. Февр, Л. Коллективные исследования и будущее науки // Февр, Л. Бои за историю / Люсьен Февр ; пер. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича, Ю. Н. Стефанова. – М. : Наука, 1991. – С. 48-53.
8. Beard, Ch. A. Written History as an Act of Faith / Charles A. Beard // American Historical Association. – [Электронный ресурс] – Электрон. дан, cop 2018.–Режим доступа : <https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/presidential-addresses/charles-a-beard>, свободный. – Дата доступа: 13.07.2019.

ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.: ПАРАЛЛЕЛИЗМ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПСИХОЛОГИИ – МЕЖКУЛЬТУРНАЯ МЕТА-КОММУНИКАЦИЯ

Душкина М.Р. (г. Москва, Россия)

На рубеже 19-го и 20-го веков, на фоне протекания множества глобальных процессов, оказавших впоследствии влияние на судьбы всего человечества, в мире происходили события иного масштаба и значимости. Так, усиленными темпами шла институционализация психологии как самостоятельной научной дисциплины – возникали самые первые специализированные заведения, расширялось ее преподавание в университетах, начала появляться специальная научная пресса и создаваться первичные профессиональные объединения психологов. Активно развивается экспериментальная психология, юридическая психология и другие ее отрасли, возникают лаборатории, институты и научные издания по разным профилям, появляется множество трудов основоположников новых научных направлений в области психологии – и эти процессы идут параллельно в разных странах, России, Германии, Италии, Франции, США [3; 7].

Вообще, психология – как наука, которая возникла на стыке целого ряда дисциплин, от педагогики, философии, медицины и биологии, до юриспруденции и права, изначально была обречена на трансдисциплинарный характер. И это сочетание самых разных областей научного знания и практического опыта – во многом предопределило дальнейшие пути и направления ее развития во многих странах. Интересно, что развитие это, в России и в Германии, сопровождалось символическим параллелизмом, имеющим глубокие корни, а взаимное влияние было непосредственным и весьма существенным.

Социокультурный и политический контекст развития психологии в России и Германии в первой половине 20-го в. Параллелизм был объективно обусловлен глобальными мировыми катаклизмами, повлекшими за собой слом системы сразу в двух мощнейших континентальных империях Европы, России и Германии. Революционные события, последовавшие за Первой мировой войной, привели к образованию новых государств – Советской и Веймарской республики. При всем их несходстве, по формальным критериям они обе были созданы социалистами: социал-демократами в одном случае и большевиками-коммунистами – в другом, причем оба новых режима прямо продекларировали разрыв с предшествующим государственным строем.

Таким образом, как Россия, так и Германия исторически были вынуждены играть роль государств, проигравших большую войну, оказавшись в положении внезапно исключенных из тесного круга великих европейских держав. Далее – довоенная общая граница, была ликвидирована Версальской системой, конституировавшей отторжение западных областей у России и восточных у Германии, а между двумя бывшими соседками возникли новые сообщества небольших стран, по понятным причинам настроенных по отношению к ним обеим весьма недружественно. Таким образом, объективно причин для начала сближения двух новых государств с массой черт сходства – было вполне достаточно [2].

Отсюда становится понятно, что, например, имевшее место активное политическое и военное сотрудничество двух стран в период с 20-х и вплоть до 1941-го года, о котором в последнее время вышло немало работ после длительного периода замалчивания его факта – являлось по сути своей производной и свидетельством схожести представлений элит России и Германии на геополитическую картину современного им мира. Сближение и сотрудничество предопределялось – и сложной внутривнутриполитической обстановкой, как в России, так и в Германии, и спецификой их проблемного внешнеполитического положения. Об истории становления Веймарской республики существует обширная литература, с одним из крупнейших специалистов в этом вопросе В. А. Космачем [5]. Некоторые российские исследователи последних лет взялись за глубокое изучение детерминант этого сотрудничества, называя в их числе – социально-политическую и экономическую обстановку в двух странах, в совокупности с геополитическим контекстом [4].

Академические коммуникации и взаимовлияние работ российских и немецких психологов. О научных связях российских ученых, эмигрировавших из страны в 20-е годы прошлого века в Германию, мы будем говорить дальше, сейчас же стоит упомянуть о взаимосвязи немецкой и российской психологии вне этого контекста, приведя хотя бы один пример подхватывания и развития идей и теорий, из множества имеющихся. Так, немецкий психолог Нарцисс Каспар Ах (1871 -1946), представитель Вюрцбургской школы, в работе «О волевой деятельности и мышлении» обосновал существование у испытуемого «преднастройки» на выполнение задачи, назвав ее «детерминирующей тенденцией» и, в экспериментах с использованием метода систематической интроспекции, показал, что